

З. И. Минеева

<https://orcid.org/0000-0003-4678-3461>

✉ zmineeva@rambler.ru

*Петрозаводский государственный университет
(Россия, Петрозаводск)*

ЛЕКСИЧЕСКИЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СУБСТАНДАРТ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Аннотация. В статье рассматриваются лексемы литературного языка и субстандарта в аспекте их отношения к речевому акту оскорбления. Автор выступает прежде всего с позиции практика, специалиста по лингвистической экспертизе. Актуальность исследования состоит в востребованности точного и исчерпывающего описания критериев отнесения того или иного слова, словосочетания, предложения к языковым средствам речевого акта оскорбления. Цель работы — определить условия, при которых разные виды субстандартных лексических средств участвуют в речевом акте оскорбления. Используются семантический, стилистический и прагматический методы. Статья основана на материале проведенных автором лингвистических судебных экспертиз. В результате исследования выделяется два вида субстандарта: а) лексический субстандарт, к которому относятся единицы жаргона, просторечия и обценной лексики; б) функциональный субстандарт, включающий лексику литературного языка, использующуюся при инвективе. Исследование позволило определить условия, при которых обценная пейоративная лексика с семантикой негативной характеристики человека участвует в речевом акте оскорбления. Делается вывод о том, что имеются условия, при которых лексика литературного языка также участвует в речевом акте оскорбления. Фактор принадлежности лексических средств к лексическому или функциональному субстандарту является определяющим критерием для лингвиста-эксперта при анализе спорного текста.

Ключевые слова: речевой акт оскорбления, семантика, лексический субстандарт, функциональный субстандарт, лингвистическая экспертиза

Для цитирования: Минеева З. И. Лексический и функциональный субстандарт в лингвистической экспертизе // Шаги/Steps. Т. 11. № 1. 2025. С. 288–302.

Поступило 22 марта 2024 г.; принято 28 января 2025 г.

Z. I. Mineeva

<https://orcid.org/0000-0003-4678-3461>

✉ zmineeva@rambler.ru

Petrozavodsk State University
(Russia, Petrozavodsk)

LEXICAL AND FUNCTIONAL SUBSTANDARD IN FORENSIC LINGUISTICS

Abstract. The article focuses on the analysis of lexemes of the standard language and sublanguage, including jargon and obscenities, in terms of their connection with the speech act of insult. The author takes primarily the position of a practitioner of linguistic expertise. The relevance of the topic is driven by the demand for the most accurate and exhaustive description of the criteria for attributing a particular word, phrase, sentence to the language units of a speech act of insult. The aim of the research is to define the conditions under which different types of substandard lexical units participate in a speech act of insult. Semantic, stylistic and pragmatic methods are used in the research, as well as cases from the author's practice in the field of forensic linguistics. The results of the study distinguish two types of substandard: a) the lexical substandard, which includes units of jargon, vernacular and obscene vocabulary; b) the functional substandard, including the vocabulary of the literary language used in invective. The analysis made it possible to determine the conditions under which obscene pejorative vocabulary with the negative characteristic of a person participates in a speech act of insult. It is concluded that there are conditions under which the vocabulary of the literary language is also included in the speech act of insult. The factor of lexical units belonging to a lexical or functional substandard is the key criterion for an expert linguist when analyzing a controversial text.

Keywords: speech act of insult, semantics, lexical substandard, functional substandard, forensic linguistics

To cite this article: Mineeva, Z. I. (2025). Lexical and functional substandard in forensic linguistics. *Shagi / Steps*, 11(1), 288–302. (In Russian).

Received March 22, 2024; accepted January 28, 2025

Введение

Проблема признания высказывания или текста унижающим честь и достоинство человека, оскорбительным в практике судопроизводства решается с помощью лингвистических экспертиз. Исследователи признают наличие проблем разграничения и четкого определения семантических понятий оскорбления и унижения [Баранов, Ерохина 2020: 21]. При этом неоднозначно трактуется понятие «неприличной формы» высказывания [Жельвис 2000; Бельчиков и др. 2010]; отмечаются неоднозначность и вариативность не только лингвистической, но и юридической терминологии [Батюшкова 2021]. Одним из важнейших принципов экспертного лингвистического анализа спорного текста специалисты называют «принцип разграничения литературного языка и нелитературных подсистем общенародного языка» [Вепрева, Купина 2020: 25], другими словами, стандарта и субстандарта.

Спорные тексты, являющиеся объектом судебной лингвистической экспертизы, включают предложения, словосочетания, отдельные лексемы, принадлежащие к нейтральным и стилистически маркированным единицам литературного языка, а также к субстандартным единицам просторечия, жаргона, диалекта. Семантика и прагматика лексического субстандарта подлежат лингвистическому анализу для определения наличия/отсутствия признаков речевого акта оскорбления. В практике проведения судебных лингвистических экспертиз актуально и важно исследовать корреляцию между принадлежностью лексических единиц к определенной подсистеме языка (просторечию, жаргону, литературному языку) и возможностью участия этих единиц в речевом акте оскорбления. Не менее важно выявление функционального субстандарта, обеспечивающего конструирование речевого акта оскорбления.

Цель исследования — прежде всего с позиции практика определить специфику и выявить условия использования лексических средств литературного языка в речевом акте оскорбления наряду с единицами субстандарта, жаргона, просторечия и обценной лексики. В качестве материала привлекаются экспертные заключения, тексты судебных лингвистических экспертиз, проведенных автором по постановлению суда или по направлению правоохранительных органов. Демонстрируется работа автора как специалиста по лингвистической экспертизе.

При проведении исследования использовались семантический, стилистический и прагматический методы анализа.

* * *

Единицы субстандартной лексики рассматриваются как конституирующая часть инвективы, употребление которой ведет к нарушению норм общественной морали: «Потенциально оскорбительная» инвективная лексика включает слова и выражения, использование которых в речи нарушает нормы общественной морали» [Бельчиков и др. 2010: 137]. Тем не менее отсутствует строгий последовательный изоморфизм «субстан-

дарт — инвектива, оскорбление, диффамация». К инвективной лексике относятся «как слова жаргонные, диалектные, просторечные, так и слова, относящиеся к литературному языку», в частности зоосемантические метафоры [Там же: 115–116].

При рассмотрении конкретных примеров из практики проведения экспертиз выявляются случаи, когда, с одной стороны, лексический субстандарт (матизмы) эксперт-лингвист квалифицирует как имеющий неприличную форму выражения при отсутствии негативной характеристики лица, адресата высказывания; с другой стороны, когда единицы литературного языка, выполняющие определенные функции, напротив, определяются как лексическое средство в речевом акте оскорбления.

Речевой акт оскорбления (РАО) характеризуется наличием следующих условий: 1) высказывание содержит негативную оценку лица; 2) высказывание направлено на конкретное лицо, адресата речевого акта; 3) высказывание является неприличным по своей форме [Баранов 2011: 540–541].

РАО включает прежде всего лексические средства, характеристика которых отсутствует в нормативных словарях литературного языка, но включена в словари субстандарта [Ефремов 2015]. Значительная доля таких единиц обозначает и характеризует человека [Минеева 2019]. Как любой другой речевой акт, он содержит локуцию (произнесение или написание спорного текста с подлежащими анализу лексемами), иллокуцию (целеполагание автора сообщить негативные сведения о лице) и перлокуцию (тот эффект, который побуждает адресата обратиться в суд).

Исследование лексических средств выявляет их семантику, наличие негативной информации об адресате, негативно-оценочных коннотаций в семантической структуре слова, использование лексем или отдельных лексико-семантических вариантов (ЛСВ), имеющих в лингвистических словарях определенные пометы, наличие которых дает основание эксперту квалифицировать форму выражения негативной информации как неприличную: «...при экспертной оценке публичной коммуникации основанием для признания высказывания неприличным является установление в высказывании ненормативных и/или табуированных элементов; под ненормативными элементами понимаются ЛСВ, имеющие в лингвистических словарях пометы *бран.*, *руг.*, *груб.-прост.* или внесенные в словари бранной лексики, матизмов и обсценизмов; под табуированными элементами понимаются образы телесного низа, экскрементов, полового акта и акта дефекации» [Осадчий 2013: 87].

Адресат воспринимает высказывание как наносящее вред, как вербальное унижение чести и достоинства личности. При РАО негативно-оценочная характеристика наносит ущерб самоуважению; РАО имеет цель подчеркнуть неполноценность, ущербность лица-адресата, его несоответствие выполняемым функциям, положению, статусу.

М. А. Осадчий формулирует и описывает компоненты параметрической общей судебно-лингвистической модели речевого акта оскорбления (в том числе по отношению к представителю власти, участнику судебного

разбирательства, военнослужащему) в ситуации публичной коммуникации. В отличие от общей модели в последнем случае выдвигаются более жесткие критерии, в частности наличие социального статуса объекта характеристики, который осознается автором, и это осознание вербализуется, выражается соответствующими лексическими средствами.

В ситуации открытой публичной коммуникации к унижающим честь и достоинство другого лица относятся высказывания, в которых, помимо уже упоминавшихся лексико-семантических вариантов с соответствующими пометами или содержащихся в специальных словарях субстандартной лексики, «образ другого лица корректируется в худшую сторону за счет статусного понижения относительно говорящего» и «содержатся номинации объекта характеристики по профессии, должности или функции; номинации признаков или действий, напрямую связанных с исполнением служебного или иного долга объектом характеристики» [Осадчий 2013: 102].

Рассмотренные характеристики РАО учитываются при анализе конкретного языкового материала, представленного в том числе в нескольких фрагментах лингвистических экспертиз, что позволяет установить наличие и роль лексического и функционального субстандарта.

Случай первый

В речевом акте оскорбления участвует лексический и функциональный субстандарт.

Рассматриваемый в экспертизе спорный текст (СТ) «Следака пидора повесить!!!» размещен в социальной сети. Автор и адресаты письменного СТ — пользователи интернета; высказывание содержит отрицательные сведения о лице и выражает негативное отношение к объекту речи, следовательно.

В данном случае СТ из одного инфинитивного предложения (с глаголом *повесить*) представляет собой директив. Инфинитивные предложения имеют различные модальные значения, здесь это побуждение, как в приказах (*Встать! Найти!*) и призывах к адресатам совершить действие, обозначенное глаголом в форме инфинитива.

Объектом в СТ, имеющем форму призыва, выступает следователь (*следак*), о котором сообщается, что он *пидор*; направленность этой негативной характеристики на конкретное лицо выражается с помощью аппозитива, приложения, несогласованного определения к номинации лица по профессии.

Негативная информация о следователе поддерживается глаголом, семантика которого, релевантная в данной коммуникативной ситуации, — обозначение «плохого» действия. Важно, что автор, пользователь интернета, выбравший глагол *повесить*, выражает свою негативную оценку объекта характеристики — следователя, по отношению к которому может быть применено именно «плохое» действие.

Профессиональный статус, должность объекта негативной характеристики и оценки автор обозначает жаргонным словом:

СЛЕДА́К, -а́, м. *Пренебр.* или *фам. жарг.* Следователь — должностное лицо, производящее служебное следствие [Химик 2004: 564].

СЛЕДА́К, а, м. *Жарг.* Следователь [БАС (26): 165].

Слово *следак* используется в данном случае как средство понижения статуса и выражения негативной оценки пишущего по отношению к объекту речи, следователю, что иллюстрируют и приведенные при данной номинации лексикографические пометы.

Слово *пидор* является грубым и вульгарным, оно не входит в состав лексики литературного языка, образовано усечением от существительного *пидорас* (*педераст* → *пидорас* → *пидор*) и сохраняет его семантику: «**ПИДОР**, -а; м. *Грубо. Вульг.* = *Педера́ст*» [БТС: 831]. Лексема входит в словари субстандарта, в которых снабжается пометами «жаргонное пренебрежительное» [Мокиенко, Никитина 2000: 434], «презрительное, бранное, вульгарное» [Химик 2004: 437], «грубое просторечное», «ругательство» [ССРГ: 391], «грубо-просторечное» [Квеселевич 2005: 597], а также квалифицируется как обценное слово [Пачина, Пекарская 2016: 67].

Лексикографические пометы «грубо-просторечное» («грубое просторечное» и т. д.), «вульгарное», «бранное», «ругательство» свидетельствует о том, что анализируемое слово имеет неприличную форму выражения, используется для вербализации интенции автора выразить крайне негативную оценку лица.

ПІ́ДОР; ПІ́ДАР; ПІ́ДЕР; ПЕ́ДЕР, -а, м. *Презр. бран. вульг.*
1. = ПИДОРАС (1 зн.). <...> (≈ ГОЛУБО́Й и др.). <...> **2.** (в функц. сказ.) = ПИДОРАС (2 зн.). — *Могу я чем-то помочь? — вмешался начальник станции. — Убирайся, старый пидор! — раздалось в ответ.* С. Довлатов. Чемодан. *А вон — этот пидор в коричневой куртке скребет тротуар.* Вен. Ерофеев. Москва — Петушки [Химик 2004: 437].

ПІ́ДАР¹, -а, -ы, -ов. — *сущ. 2 скл. муж. р. одуш. — презрит. — молод* — *В сл. нет.* — *Педераст. см. глиномёс.* — [ф-шара́ги пі́дары адьні́] 1991.

ПІ́ДАР², -а, -ы, -ов. — *сущ. 2 скл. муж. р. одуш. — груб. — прост.* — *В сл. нет.* — *Ругательство (искажённое «педера́ст»).* — [фсе́-вы пі́дары ё́.]¹анья, б[...]ть.] 1998 [ССРГ: 391].

¹В связи с законодательным запретом употребления нецензурной лексики в СМИ редакция заменяет в таких словах один или несколько знаков соответствующим числом точек в квадратных скобках. — *Примеч. ред.*

Основная прагматика предложения, адресованного неограниченному количеству интернет-пользователей, состоит в выражении негативной оценки следователя с помощью единиц лексического и функционального субстандарта. Анализируемая фраза однозначно содержит выражение негативной характеристики и оценки адресата, имеет неприличную форму выражения и употребляется с целью выразить презрение к объекту речи, понизить его статус.

Случай второй

В речевом акте используется лексический субстандарт, который не может исследоваться на предмет наличия неприличной формы.

Спорный текст представляет собой высказывание рядового N в ответ на замечание старшего по званию (капитана А): «Кто ты такой, чтобы делать мне замечания? Ты мне никто. Иди на х[...]. Мне пох[...], что ты капитан. Я тебя сейчас ё[...].ну».

Запись СТ осуществлялась участником коммуникативной ситуации с последующей верификацией, которую проводил сотрудник правоохранительных органов. Рядовой N употребил нецензурные выражения, матизмы в адрес капитана, который посчитал себя оскорбленным и обратился в правоохранительные органы.

СТ содержит признаки понижения статуса адресата, следовательно, может рассматриваться как содержащий признаки негативной информации о нем. В ходе анализа установлено, что СТ является не автономным, отдельным самостоятельным высказыванием, а ответной репликой и частью более объемного СТ, точная фиксация которого по форме выражения отсутствует.

Относительно матизмов, фигурирующих в том числе в данном СТ, специалисты по юрислингвистике придерживаются противоположных мнений [Кара-Мурза 2017: 45]. В. А. Ефремов считает, что выражение *иди на х[...]* не входит в речевой акт оскорбления, поскольку не содержит отрицательной оценки адресата, а выражает «нежелание продолжать диалог» [Ефремов 2015: 45]. М. А. Осадчим такие случаи квалифицируются как унижающие честь и достоинство другого лица: «...бранное высказывание, построенное по модели ‘да пошел ты на...’ или ‘иди ты в...’ <...> не сообщают об адресате (“посылаемом”) никакой порочащей информации (сведений о нарушении действующего законодательства, традиций делового оборота и т. п.). Вместе с тем здравый смысл и лингвистические данные однозначно позволяют квалифицировать высказывание “да пошел ты в...” как бранное, унижающее честь и достоинство адресата» [Осадчий 2013: 71].

Несмотря на наличие обсценизмов и матизмов, анализ лексических средств в данном СТ для установления негативной характеристики лица и неприличной формы выражения невозможен, поскольку записанный текст является неполным; наличие отсутствующих частей, лакун подтверждается невербальными действиями, сопровождавшими коммуни-

кацию, и наличием признаков вторичности зафиксированной части СТ, которому предшествовали реплики без точной их фиксации (версии капитана и свидетелей расходятся). Полный текст отсутствует, что не позволяет делать выводы относительно наличия/отсутствия речевого акта оскорбления капитана А в высказывании рядового N.

Из объяснения капитана А, который почувствовал себя оскорбленным и инициировал разбирательство, следует, что он увидел, как открылось окно казармы и рядовой N поставил ведро с водой на подоконник, а затем подошел к нему уже с внешней стороны, где находился капитан, который обратился к рядовому с замечанием («Ты что делаешь, я тут стою, проверку жду, а ты тут с ведром ходишь?») и опрокинул ведро, после чего прозвучало высказывание СТ.

Рядовой N объяснил, что получил от своего командира задание потушить огонь в мусорном контейнере на улице, для этого набрал в казарме ведро воды, поставил ведро на подоконник, чтобы быстро забрать его с улицы и использовать для тушения огня. Выйдя из казармы и подойдя к окну за ведром, он увидел незнакомого военнослужащего, который в грубой форме стал высказывать претензии. Свидетели и рядовой N настаивали на том, что капитан сделал замечание с использованием обценных лексем.

В данном случае с точки зрения структуры коммуникативной ситуации высказывание рядового N можно расценивать как ответную реплику на неустановленный, не зафиксированный текст; анализируемое ответное бранное высказывание «характеризуется формально-семантической мотивированностью» и имеет «все признаки деривационных отношений» [Осадчий 2013: 88]. В двух репликах диалога, как отмечает М. А. Осадчий, возможно употребление общих бранных элементов (одной и той же бранной лексики или разных бранных лексем), что позволяет расценивать первое высказывание как стимул, а второе — как реакцию на данный стимул.

Таким образом, анализируемое высказывание рядового N не может быть оценено на предмет приличности/неприличности формы и принадлежности к РАО, несмотря на наличие в СТ лексического субстандарта.

Случай третий

Функциональный субстандарт участвует в речевом акте оскорбления; объектом негативной характеристики, выраженной в неприличной форме, является представитель власти, участник судебного заседания. Далее приводится выдержка из материалов судебного дела.

Иванова И. И., находясь в здании суда и на улице у входа в здание, в присутствии свидетелей допустила высказывания в адрес прокурора В.: «Ты, тварь такая! Крики тебе?»; «Тварь, сука!»; «Ты, тварь, посадила невинного! Тварь, знаешь ведь, что не виноват, все равно посадила! Чтoб ты сдохла, чтoб сдохли твои

дети, чтоб сдохли все твои родственники! Тебе все это даром не пройдет, за все заплатитесь!»

Наличие негативной характеристики и оценки лица выявлено в следующих высказываниях: «Ты, тварь такая! <...> Тварь, сука! Ты, тварь, посадила невиновного! Тварь...».

1. Спорные высказывания, в которых используется имя существительное *сука* и многократно повторенное существительное *тварь*, содержат негативную характеристику и оценку лица, употребляются в переносных значениях, включающих негативно-оценочные коннотации.

Слово *сука*, выступая негативно-оценочной характеристикой человека, включено в словари литературного языка и субстандарта, имеет лексикографические пометы «грубо» [БТС 2008], «грубо-просторечное» [Грачев 2003], «грубое (бранное)» и «вульгарное» [Химик 2004], «ругательство» [Елистратов 2005].

СУКА, -и; ж. 1. Самка домашней собаки или других животных сем. псовых. <...> 2. *Грубо*. О человеке, вызывающем своим поведением гнев, раздражение (обычно женщине) [БТС: 1288].

СУКА, -и, ж. Руг. с самым широким зн. *Сука мокрохвостая* — о проститутке. ♦ **Сука ты, а не моряк** (или **не матрос**) — шутол. инвектива. **Сука рваная, сука в ботах** — бран. Возможно влияние угол. «сука» — предатель, доносчик, агент милиции, начальник угрозыска, милиционер [Елистратов 2005: 395–396].

СУКА ж:

2 *груб.-прост.* Потаскуха, **кúрва**

— Так это ты, **сука**, — сказала дьячиха, подступая к ткачихе, — так это ты, ведьма, напускаешь ему туман и поишь нечистым зельем, чтобы ходил к тебе. *Н. Гоголь, Ночь перед Рождеством*

3 *груб.-прост.* Употр. как бранное слово

— Я им, **сукам**, говорил, что нельзя в такой гололед выходить на линию! — кричал водитель упавшего автобуса. *В. Аксёнов, Остров Крым*

— У, **сука!** — неожиданно вырвалось у неё, и она стеганула пролетающую мимо муху полотенцем. *А. Семячко, Большая охота*

4 *груб.-прост.* Употр. как вводное бранное слово <...>

5 *жарг.* Заключённый, сотрудничающий с администрацией; доносчик, предатель [Квеселевич 2005: 825].

СУКА, -и; ж. *Груб. (бран.)* 1. *Вульг.* О женщине с грубым акцентированием ее пола. <...> — *Эта сука Татьяна только тебя и слушает, пока ты со своими трахаешься...* Э. Гер. Дар слова. *Вы спросите: «Да где ты, Веничка, ее откопал, и откуда она взялась, эта рыжая сука?»* Вен. Ерофеев. Москва — Петушки. <...> 2. *Вульг.* О любом человеке, вызывающем раздражение, гнев (как о подлеце, негодяе, мерзавце). *Если честно, я женщин не очень-то люблю: Ой, женщины — это высокие существа... А ведь такие же суки, как и мужчины* АиФ 20/00 [Химик 2004: 593].

В уголовном жаргоне *сука* является неспецифицированным по полу обозначением сыщика и охранника: «**СУКА**, -и, м. *Угол. Презр.* 1. Сыщик; милиционер. <...> 2. *Лог.* Охранник в ИТУ. <...> 3. *также Мол.* Предатель, доносчик, осведомитель» [Мокиенко, Никитина 2000: 574], полицейского и сотрудника правоохранительных органов: «**СУКА**, -и, ж. 1. Полицейский. 3. Начальник уголовного розыска. 4. Сотрудник правоохранительных органов» [Грачев 2003: 282].

Приведенные дефиниции свидетельствуют о расширении (генерализации) антропоцентрического значения слова и его принадлежности к инвективной лексике.

Слово *тварь* также является негативно-оценочной характеристикой лица, включено в словари литературного языка и субстандарта с пометами «презрительное» [БТС 2008], «грубое», «презрительное» и «бранное» [Химик 2004], «бранное» [Квеселевич 2005].

ТВАРЬ, -и; ж. 1. *Книжн.* Живое существо. *Твари* земные. *Бессловесные твари* (животные). *Двуногие твари* (о людях). <...> 2. *Презрит.* О подлом, мерзком человеке. *Какая же ты всё-таки т.!* [БТС 2008: 1308].

ТВАРЬ ж. *прост.* 1 Живое существо <...> 2 *бран.* Подлый, мерзкий человек.

— Шалава. **Тварь**. Грязная подстилка. Паскуда. Животное. Ничтожество, не смей и думать, скотина, о себе как о человеке, и не смей даже думать что-то обо мне, сволочь! Паршивая **тварь!** А. Терехов, *Зимний день начала новой жизни* [Квеселевич 2005: 839].

ТВАРЬ, -и, ж/м. *Груб. презр. бран. разг.-сниж.* 1. О ком-л. как об очень неприятном, ничтожном, подлом человеке. *Я его ненавижу!* — *закричала Наташа.* — *Тварь! Педераст проклятый!* А. Саломатов. Синдром Кандинского [Химик 2004: 604].

2. Анализируемые высказывания направлены на конкретное лицо, адресатом является прокурор В. Статус лица говорящим не обозначен, однако речевой акт содержит маркеры профессиональной деятельности, участия В. в судебном разбирательстве и принятии решения («посадить»).

3. Оба слова (*сука*, *тварь*) по наличию специальных лексикографических помет относятся к неприличной (непристойной), грубой лексике, несмотря на фиксацию в толковых словарях литературного языка. Характер лексикографических помет, сопровождающих данные лексемы, позволяет отнести их к функциональному субстандарту, а условия их употребления усиливают степень obscenity, «неприличности».

Известная проблема квалификации языкового средства как имеющего «неприличную форму» неоднократно рассматривалась в научной литературе, посвященной лингвистической экспертизе [Крысин 2008: 262–272, Осадчий 2013: 80–85]. Исследователи признают, что формулировка *неприличная форма* «порождает немало вопросов»: «Понятие непристойности

поддается определению с большим трудом. Особая трудность заключается здесь в том, что это понятие, во-первых, меняется с течением времени, а во-вторых, носит национально-специфический характер» [Жельвис 2000: 197]; одни и те же языковые выражения в различных контекстах речевой ситуации могут оцениваться по-разному: «...самый вульгарный мат можно использовать как комплимент» [Жельвис 2011: 206]. Формулировка *неприличная форма выражения* прежде всего относится к употреблению в речевом акте, реализующем интенцию негативной оценки, не только обценной, нецензурной, но и вульгарной лексики.

К неприличным, наряду с обценными, нецензурными словами и устойчивыми оборотами, исследователи относят некоторые метафоры фауны (например, *свинья*, *козёл*) [Бельчиков и др. 2010: 116]. В данную группу зоометафор (зоотропов) входят и использованные в анализируемом речевом акте слова *сука* и *тварь*. Отнесение названий животных в антропоцентрических значениях к функциональному субстандарту созвучно позиции А. С. Пушкина, который в эпиграмме 1829 г. предостерегал от употребления слова *козел* по отношению к человеку, и это предостережение сохраняет актуальность в настоящее время [Минеева 2021: 69].

Специалисты в области лингвистической экспертизы считают, что «наиболее правильным видится словарный подход, основанный на группе наиболее “радикальных” стилистических помет — *бран.*, *руг.*, *груб.-прост.*, маркирующих, в терминологии К. И. Бринева, “жесткие” инвективы, в терминологии А. В. Коряковцева, “собственно оскорбительные” лексемы» [Осадчий 2013: 85].

Анализируемые фразы имеют объектом негативной оценки прокурора как представителя власти и участника судебного заседания, высказывания содержат корректировку его образа в худшую сторону.

Лексемы *сука*, *тварь* снабжаются в словарях теми пометами, которые приводятся при формулировании параметризации речевого акта оскорбления («грубо-просторечное», «бранное», «вульгарное», «грубое», «бранное»), фиксируются словарями ненормативной лексики русского языка и входят в состав инвективной лексики. Лексикографическая помета «грубое» («грубо») используется «для слов, содержащих неадекватно грубую, часто оскорбительную оценку»; «вульг.» (вульгарное) — «для слов, находящихся вне сферы литературного языка, передающих экспрессию циничной оскорбительности и используемых в художественных произведениях как средство шокового воздействия на читателя» [БТС: 16].

Итак, высказывания И. И. Ивановой в адрес прокурора В. имеют неприличную форму выражения, использованные лексемы (*сука*, *тварь*) содержат семантику негативной характеристики адресата с коннотативным оценочным компонентом и употребляются с целью выразить презрение к объекту речи, понизить его статус.

Заключение

Как показало исследование, субстандарт применительно к лингвистической экспертизе представляет собой сложный феномен, включающий два типа субстандарта: лексический и функциональный. К лексическому субстандарту относится прежде всего табуированная obscenная, а также жаргонная и просторечная лексика. Функциональный субстандарт, использующийся в речевых актах оскорбления, включает группы единиц литературного языка, отдельные переносные лексико-семантические варианты, маркированные эмоционально-экспрессивной окраской и обладающие соответствующей прагматикой.

Лингвистическая экспертиза в связи с речевым актом оскорбления, в том числе в ситуации публичной коммуникации, рассматривает высказывания, направленные в адрес сотрудников правоохранительных органов, участников судебного разбирательства, военнослужащих, с использованием различных лексических средств.

Единицы лексического субстандарта включают obscenизмы и матизмы, единицы функционального субстандарта включают эмоционально-экспрессивные ЛСВ слов литературного языка.

Лексический и функциональный субстандарт, использующийся в речевом акте оскорбления, sближает то, что они снабжаются в словарях специальными пометами («бранное», «вульгарное», «грубое просторечное», «ругательство»), фиксируются словарями субстандарта; нередко внутренняя форма таких слов содержит образ полового акта. Данные единицы обладают идентичной прагматикой, используются автором спорного текста с целью сообщения негативной информации о лице, выступающем объектом негативно-оценочной характеристики, с целью понижения его статуса. Проведенный анализ выявил важную роль исследования контекста для заключения о наличии/отсутствии неприличной формы спорного текста.

Словари

БАС — Большой академический словарь русского языка: В 30 т / Гл. ред. А. С. Герд и др. М.; СПб.: Наука, 2004—.

БТС — Новейший большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт; М.: РИПОЛ классик, 2008.

Грачев 2003 — *Грачев М.А.* Словарь тысячелетнего русского аргo. М.: РИПОЛ классик, 2003.

Елистратов 2005 — *Елистратов В. С.* Толковый словарь русского сленга. М.: АСТ-Пресс Книга, 2005.

Квеселевич 2005 — *Квеселевич Д. И.* Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. М.: Астрель; АСТ, 2005.

Мокиенко, Никитина 2000 — *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2000.

ССРГ — Словарь современного русского города / Под ред. Б. И. Осипова. М.: Рус. словари; Астрель; АСТ; Транзиткнига, 2003.

Химик 2004 — *Химик В. В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004.

Литература

Баранов 2011 — *Баранов А. Н.* Лингвистическая экспертиза текста. М.: Флинта; Наука, 2011.

Баранов, Ерохина 2020 — *Баранов А. Н., Ерохина Л. А.* Оскорбление и унижение как языковые и правовые феномены // Теория и практика судебной экспертизы. Т. 15. № 1. 2020. С. 20–28. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-1-20-28>.

Батюшкова 2021 — *Батюшкова М. В.* О вариативности законодательных терминов и определений // Вопросы русского языка в юридических делах и процедурах: Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: Первый класс, 2021. С. 131–145.

Бельчиков и др. 2010 — *Бельчиков Ю. А., Горбаневский М. В., Жарков И. В.* Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ: Сб. материалов. М.: ИПК «Информкнига», 2010.

Вепрева, Купина 2020 — *Вепрева И. Т., Купина Н. А.* Экспертный лингвистический анализ спорного текста. М.: Флинта; Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020.

Ефремов 2015 — *Ефремов В. А.* Словари субстандарта в лингвоэкспертной практике // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2015. № 2 (24). С. 41–49. URL: <https://rusexpert.ru/public/statjy-pdf/Efremov2015.pdf>. <https://doi.org/10/15293/2226-3365.1502.03>.

Жельвис 2000 — *Жельвис В. И.* Слово и дело: юридический аспект сквернословия // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н. Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 2000. С. 195–206.

Жельвис 2011 — *Жельвис В. И.* Грубость как регулятор коммуникативного поведения // Бытие в языке: Сб. науч. тр. к 80-летию В. И. Жельвиса / Под ред. Т. Г. Кучиной. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. С. 258–289.

Кара-Мурза 2017 — *Кара-Мурза Е. С.* Регуляторы деятельности лингвиста-эксперта как представителя прикладной науки: «конфликт норм» // Алмазова И. А., Бернер Э., Чернявская В. Е. Наука в общественном диалоге: ценности, коммуникация, организация: Материалы междунар. науч. конф. СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2017. С. 90–92.

Крысин 2008 — *Крысин Л. П.* Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии. М.: Знак, 2008.

Минеева 2019 — *Минеева З. И.* Номинации человека в лингвистической экспертизе // Русский язык: исторические судьбы и современность: VI Междунар. конгресс исследователей русского языка (Москва, филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 20–23 марта 2019 г.): Тр. и материалы / Под общ. ред. М. Л. Ремнёвой, О. В. Кукушкиной. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2019. С. 328–329.

Минеева 2021 — *Минеева З. И.* Прагматический потенциал зоотропов у А. С. Пушкина // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Т. 43. № 1. 2021. С. 63–71. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2021.564>.

Осадчий 2013 — *Осадчий М. А.* Русский язык на грани права: Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2013.

Пачина, Пекарская 2016 — *Пачина А. Н., Пекарская И. В.* Репрезентация феномена «оскорбление словом» в медиатекстах: количественный, семантический и праг-

матический аспекты (на материалах СМИ, представленных в Национальном корпусе русского языка) // Язык и культура. 2016. № 2 (34). С. 57–76. <https://doi.org/10.17223/19996195/34/5>.

References

- Baranov, A. N. (2011). *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta* [Linguistic examination of the text]. Flinta; Nauka. (In Russian).
- Baranov, A. N., & Erokhina, L. A. (2020). Oskorblenie i unizhenie kak iazykovye i pravovye fenomeny [Insult and humiliation as language and law phenomena]. *Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy*, 15(1), 20–28. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-1-20-28>. (In Russian).
- Batiushkova, M. V. (2021). O variativnosti zakonodatel'nykh terminov i opredelenii [On the variability of legislative terms and definitions]. In *Voprosy russkogo iazyka v iuridicheskikh delakh i protsedurakh. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya* (pp. 131–145). Pervyy klass. (In Russian).
- Bel'chikov, Iu. A., Gorbanevskii, M. V., & Zharkov, I. V. (2010). *Metodicheskie rekomendatsii po voprosam lingvisticheskoi ekspertizy spornykh tekstov SMI: Sbornik materialov* [Methodological recommendations on linguistic examination of controversial media texts: Collection of materials]. IPK "Informkniga". (In Russian).
- Efremov, V. A. (2015). Slovarei substandarta v lingvoekspertnoi praktike [Dictionaries of substandard language in lingvo expert practice]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2015(2, no. 24), 41–49. <https://rusexpert.ru/public/statjy-pdf/Efremov2015.pdf>. <https://doi.org/10.15293/2226-3365.1502.03>. (In Russian).
- Kara-Murza, E. S. (2017). Regulirovaniye deyatelnosti lingvista-eksperta kak predstavitelia prikladnoi nauki: "konflikt norm" [Regulators of the activities of an expert linguist as a representative of applied science: "conflict of norms"]. In I. A. Almazova, E. Berner, & V. E. Cherniavskaya (Eds.), *Nauka v obshchestvennom dialoge: tseennosti, kommunikatsiya, organizatsiya: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* (pp. 90–92). Izdatel'stvo Politehnicheskogo universiteta. (In Russian).
- Krysin, L. P. (2008). *Slovo v sovremennykh tekstakh i slovariakh: Ocherki o russkoi leksike i leksikografii* [The word in modern texts and dictionaries: Essays on Russian vocabulary and lexicography]. Znak. (In Russian).
- Mineeva, Z. I. (2019). Nominatsii cheloveka v lingvisticheskoi ekspertize [Human nominations in linguistic expertise]. In M. L. Remneva, & O. V. Kukushkina (Eds.), *Russkii iazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost': VI Mezhdunarodnyi kongress issledovatelei russkogo iazyka (Moskva, filologicheskii fakul'tet MGU im. M. V. Lomonosova, 20–23 marta 2019 g.): Trudy i materialy* (pp. 328–329). Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russian).
- Mineeva, Z. I. (2021). Pragmaticheskii potentsial zootropov u A. S. Pushkina [Pragmatic potential of zootropes in works by Alexander Pushkin]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 43(1), 63–71. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2021.564>. (In Russian).
- Osadchii, M. A. (2013). *Russkii iazyk na grani prava: Funktsionirovaniye sovremennogo russkogo iazyka v usloviyakh pravovoi reglamentatsii rechi* [The Russian language is on the verge of law: The functioning of the modern Russian language in the conditions of legal regulation of speech]. Knizhnyi dom "LIBROKOM". (In Russian).
- Pachina, A. N., & Pekarskaya, I. V. (2016). Reprezentatsiya fenomena "oskorblenie slovom" v mediatekstakh: kolichestvennyi, semanticheskii i pragmaticheskii aspekty (na materialakh SMI, predstavlennykh v Natsional'nom korpusse russkogo iazyka) [Representation of the phenomenon "verbal insult" in media texts: Quantitative, semantic and pragmatic aspects (on materials of the media represented in the National Case Russian Language)].

- Iazyk i kul'tura*. 2016(2, no. 34), 57–76. <https://doi.org/10.17223/19996195/34/5>. (In Russian).
- Vepreva, I. T., & Kupina, N. A. (2020). *Ekspertnyi lingvisticheskii analiz spornogo teksta* [Expert linguistic analysis of a controversial text]. Flinta; Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. (In Russian).
- Zhel'vis, V. I. (2000). Slovo i delo: iuridicheskii aspekt skvernosloviia [Word and deed: the legal aspect of profanity]. In N. D. Golev (Ed.). *Iurislingvistika-2: Russkii iazyk v ego estestvennom i iuridicheskom bytii: Mezhdvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* (pp. 195–206). Izd-vo Alt. un-ta. (In Russian).
- Zhel'vis, V. I. (2011). Grubost' kak reguliator kommunikativnogo povedeniia [Rudeness as a regulator of communicative behavior], In T. G. Kuchina (Ed.). *Bytie v iazyke: Sbornik nauchnykh trudov k 80-letiiu V. I. Zhel'visa* (pp. 258–289). Izdatel'stvo IaGPU. (In Russian).

Информация об авторе

Зоя Ивановна Минеева

доктор филологических наук
доцент, профессор, кафедра
русского языка, Петрозаводский
государственный университет
Россия, 185910, Петрозаводск, пр-т
Ленина, д. 33

✉ zmineeva@rambler.ru

Information about the author

Zoya Ivanovna Mineeva

Dr. Sci. (Philology)
Associate Professor, Professor, Russian
Language Department, Petrozavodsk
State University
Russia, 185910, Petrozavodsk, Prospekt
Lenina, 33

✉ zmineeva@rambler.ru